

Кроме того, он опубликовал официальное заявление, в котором добровольно отказывается от чемпионского пояса TAS в полусреднем весе для перехода в средний вес. В зависимости от восстановления организма, он планирует провести бой не позднее середины следующего года.

Как только новость появилась на официальном сайте, на следующий день Цзи То постучал в дверь их квартиры и с порога спросил, почему он отказывается от пояса.

Цинь Мяннь немного подумал и честно ответил:

— Не могу сбросить вес.

Цзи То долго молчал.

Цинь Мяннь подумал и добавил:

— Если не смогу сбросить вес и в среднем весе, то поднимусь ещё выше, в полутяжёлый вес.

Цзи То широко раскрыл глаза и оглядел его с ног до головы:

— Ты в порядке? Твой обычный вес уже на уровне полутяжёлого, верно?

Цинь Мяннь улыбнулся:

— Сэнсэй, я получил травму и не хочу сбрасывать ни грамма.

— Тогда... — Цзи То провёл рукой между собой и Цинь Мяннем. — Наша судьбоносная битва не состоится?

Цинь Мяннь сохранял улыбку.

Хуахуа, раздражённая шумом непрошеного гостя, подбежала к Цзи То и начала царапать его туфли.

Цзи То ушёл в полной растерянности, оставив за собой след из поцарапанных кошачьих когтей.

Когда Цинь Мяннь пошёл в больницу на повторный осмотр функций руки, он заодно проверил остановку дыхания. Врач сказал, что все показатели в норме и нет никаких признаков заболевания.

Проходя мимо отделения забора крови, он увидел, как ребёнок с криком врезался в Хэ

Линнаня.

На мгновение Цинь Мянью занервничал, боясь, что детский плач спровоцирует приступ у Хэ Линнаня, но тот просто присел на корточки, успокоил ребёнка и отвёл его к родителям.

Родители Цици прислали ему множество открыток. После извержения вулкана Полуночного Брамы жёлтые пески вокруг стали чёрными, а небо временами окрашивалось в красные оттенки.

На нескольких фотографиях Цици скакала на белом коне на фоне заката. Цинь Мянью смотрел на снимки, словно видел саму Цицигэ.

Единственное, что беспокоило Цинь Мянью в последнее время, это то, что Хэ Линнань всё чаще принимал звонки в его отсутствие. Разговоры становились длиннее, а их частота увеличивалась. Цинь Мянью не выдержал и, притворившись невзначай, спросил, кто звонит. Хэ Линнань, словно прячась от вора, спрятал телефон и сказал, что это его наставник.

Наставник.

Пожилой или молодой?

Цинь Мянью размышлял над этим словом, но в голове внезапно возникла другая мысль: а не был ли Хэ Линнань влюблён в этого наставника?

Хэ Линнань был старше него; конечно, у него было больше опыта, и он мог влюбиться в кого-то.

Если это наставник, то, вероятно, фотограф? У них много общего с Хэ Линнанем? Был ли он так же хорош собой... нет, был ли он таким же высоким? Наверное, нет.

Цинь Мянью всё больше злился, настолько, что не мог усидеть на месте и начал ходить по комнате. Хуахуа, решив, что настало время игры в догонялки, открыла свой единственный глаз и последовала за ним по квартире.

Раньше в спальне не было такой большой кровати и было больше места для прогулок, но теперь кровать занимала большую часть комнаты, и квартира стала тесной.

Вспомнив, кто выбрал эту кровать и какую роль она сыграла в их доме, его раздражение постепенно улеглось.

Цинь Мянью взглянул на часы. Тренировки в клубе уже закончились, сейчас час дня, и Хэ Линнань давно должен был быть дома.

Если его нет, то, вероятно, он снова ушёл в парк, чтобы прогуляться и поговорить по телефону с «наставником» вдали от него.

Что же нужно этому наставнику от Хэ Линняня!

Эмоции Цинь Мянэ то поднимались, то падали, как вдруг его телефон завибрировал. Он достал его и увидел на экране имя «Хэ Сяомань».

— Что нужно? — спросил он, принимая звонок.

— Почему Кэлэ не берёт трубку? — спросила Хэ Сяомань.

— Он ест и не берёт телефон, — ответил Цинь Мянэ.

Неизвестно, где находилась Хэ Сяомань, но вокруг было невероятно шумно: крики детей, скрип стульев, звук ложек о тарелки. Возможно, она не расслышала его слов и снова спросила:

— Ест? Почему он не может ответить, если ест?

Цинь Мянэ сдержал раздражение:

— Может, он спит.

— Что? — переспросила Хэ Сяомань. — Почему Кэлэ не берёт трубку?

Цинь Мянэ глубоко вздохнул:

— Хэ Сяомань, слушай, с этого момента я тоже не буду брать твои звонки.

С этими словами он быстро положил трубку.

Хэ Сяомань, услышав в трубке гудки, сняла телефон с уха. Что за человек?

Ребёнок, сидевший напротив неё за столом, продолжал двигать стул, а его мать пыталась выскрести последний кусочек еды из тарелки керамической ложкой. Хэ Сяомань, чувствуя, как у неё мурашки бегут по коже, бросила палочки, не доев лапшу, и быстро вышла из закуской.

Она вызвала такси, но после двух минут ожидания на солнцепёке водитель отменил заказ.

Хэ Сяомань была так зла, что её накладная ресница съехала. Она сняла вторую ресницу и выбросила её в мусорный бак, как раз в этот момент ей позвонил Кэлэ.

— Сяомань! — громко крикнул Кэлэ в трубку.

Его голос заставил Хэ Сяомань представить себе мем. Она немного успокоилась и спросила:

— Ты сегодня занят? У тебя есть время...

— Есть!

Хэ Сяомань вздрогнула и переформулировала вопрос:

— Тогда ты можешь меня забрать...

— Могу!

Хэ Сяомань: ...

Она быстро положила трубку и отправила ему своё местоположение.

Затем она нашла большое кокосовое дерево и села под ним, чтобы спрятаться от солнца. Стоять было невозможно, потому что верхняя часть лба всё равно оказывалась на солнце, независимо от того, где она находилась в тени. Сегодня она не наносила солнцезащитный крем, так как он мог испортить макияж.

Пот стекал по её носу, и Хэ Сяомань вытерла его рукой, заметив, что на руке остался след от тонального крема. В итоге макияж всё равно испортился!

Она достала пудру и начала наносить её на лицо, но губка не только не исправила макияж, но и сняла ещё больше тонального крема.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/191028>